

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Цыпкин Денис Олегович

**ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИКО-
ДОКУМЕНТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИИ:
1898 – 1963 гг.
(КОНЦЕПЦИИ, УЧРЕЖДЕНИЯ, УЧЕНЫЕ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2009

23 АПР 2009

Работа выполнена на кафедре Истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Прохоров Гелиан Михайлович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Козлов Сергей Александрович

кандидат исторических наук
Сиренов Алексей Владимирович

Ведущая организация: Библиотека Российской академии наук

Защита состоится «20» мая 2009 г. в 18 часов на заседании совета Д.212.232.52 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, ауд.70.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «15» апреля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О. Н. Бачурина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Актуальность работы заключается, *во-первых*, в значимости проблемы функционирования памятников материальной культуры (в том числе и рукописно-книжных) в интеллектуальном пространстве последующих эпох. Это имеет особую важность для истории отечественной науки и культуры. В российской исторической науке до сих пор фактически нет исследований, посвященных анализу эволюции научного восприятия памятников рукописно-книжного наследия как феномена истории материальной культуры, что становится серьезным препятствием для построения адекватной концепции развития научной мысли кон. XIX – первой пол. XX вв. в целом. В «осознании» документа (исторического документа) как материального объекта исключительно ярко проявились тенденции методологического синкретизма, характерные для русской науки и культуры этого периода – стремление к слиянию различных эпистемологических парадигм: историко-филологических, естественно-научных, криминалистических и т. д. Нельзя сказать, что этот опыт на сегодня полностью освоен и исчерпан. Наоборот, он требует серьезного осмысления для формирования методологии современного исторического исследования.

Во-вторых – одной из наиболее значимых в современной науке о рукописно-книжных памятниках является проблема разработки методологии *экспертных* исследований. Потребность в точной и доказательной датировке рукописи, в установлении места её производства, в идентификации исполнителей документа, в установлении его подлинности и т. д. и т. п. порождает потребность в формировании *экспертного* направления, специализирующегося на разработке средств и методов решения таких задач. Проблема формирования и развития *экспертного направления* изучения рукописно-книжных памятников – не просто вопрос «техники» изучения документов. Возникновение этого направления и его методология должны рассматриваться как самостоятельный историко-культурный феномен. Аналогичный подход уже намечился в современной историографии. Например, в творчестве К. Гинзбурга, который предлагает выделять своеобразную «уликовую парадигму» в гуманитарном знании¹.

¹Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и её корни // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология истории. Сборник статей. М., 2004. С. 199 – 241.

Объект исследования. Объектом настоящего исследования стала история становления *экспертного подхода* в изучении рукописно-книжных памятников (*историко-документной экспертизы*) в России от момента его возникновения в качестве научного направления (в кон. 1890-х гг.) до «приостановки» его самостоятельного развития в 1963/64 гг.

Предмет исследования. Предметом исследования является процесс развития *фотоанализа* как организационной основы становления *экспертного направления* изучения документов в отечественной науке. Мы вынужденно ограничились рассмотрением истории *фотоанализа*, так как объем диссертационной работы не позволяет охватить все те области изучения рукописно-книжных памятников, в рамках которых шло формирование в России *экспертного подхода*. Исследование сфокусировано на анализе формирования методологических концепций *фотоаналитического* и связанного с ним *историко-технологического* изучения памятников и на истории соответствующих организационных структур в системе отечественной гуманитарной науки.

Хронологические рамки исследования обусловлены его объектом и предметом. 1898 г. – год присвоения Е. Ф. Буринскому премии им. М. В. Ломоносова за создание «цветоделительного метода» в фотографии – может быть условно назван годом рождения *фотоанализа* документов. Период 1963/64 гг. становится рубежом, который определяет организационные изменения в научной деятельности ЛКРД РАН, кардинально повлиявшие на развитие *историко-технологического* направления в исследовании рукописно-книжных памятников и становление *историко-документной* экспертизы.

Цель исследования. Настоящая работа ставит своей целью изучить на основе анализа имеющихся опубликованных и неопубликованных источников историю становления *экспертного направления* исследования рукописно-книжных памятников в России, рассматриваемого на материале истории развития методологии и организации *фотоанализа* рукописей.

Задачи исследования. Исходя из цели работы и степени разработанности темы, в диссертации поставлены следующие задачи:

- проанализировать становление и развитие методологии *фотоаналитических* исследований как структурообразующего элемента формирования *экспертного направления* изучения рукописно-книжных памятников в отечественной гуманитарной науке;
- рассмотреть историю организационного оформления в России и СССР *экспертных* исследований исторических документов на материале истории институализации *фотоанализа*;

- на материале анализа деятельности конкретных отечественных ученых и исследовательских учреждений кон. XIX – сер. XX вв. (таких как Е. Ф. Буринский, А. А. Поповицкий, Н. П. Тихонов; Институт Археологической Технологии ГАИМК, Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР и др.) рассмотреть механизмы практической интеграции технических и естественнонаучных методов (фотографических и технологических) в историко-гуманитарное знание;

- представить место *фотоанализа* рукописей и «исторической технологии» в системе «понимания» памятника в русской науке кон. XIX – сер. XX вв.

- проанализировать возможности использования отечественного методологического опыта развития *фотоанализа* рукописей и связанного с ним *историко-технологического* изучения памятников в современных исследованиях исторических документов.

Методологическая основа исследования. Основными научными принципами исследования являются системный подход и историзм. Автор использовал общенаучные методы исследования – историко-сравнительный, функциональный, метод периодизации. Специфика объекта исследования определяет и специфику его методологии. Базовой является методология историко-культурного анализа (примененная к проблематике истории гуманитарного знания), сочетающаяся с историографическим исследованием и с элементами историко-биографического исследования и исследования истории науки и техники.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования заключается как в выборе самого его предмета, так и в подходе к теме. Впервые в отечественной историографии предпринимается попытка анализа истории становления в национальной науке *экспертного направления* изучения рукописно-книжных памятников. Исследование строится на рассмотрении развития *фотоанализа* памятников в контексте интеллектуального пространства России кон. XIX – сер. XX вв.

Степень изученности темы. Обобщающие работы, непосредственно посвященные истории, методологии или практике *экспертного* исследования рукописно-книжных памятников отсутствуют. История фотографического изучения рукописей также фактически не становилась предметом специального анализа. Необходимо остановиться только на двух работах: на статье 1961 г. В. С. Голышенко, В. С. Люблинского и Д. П. Эрастова «Новейшие приемы фотоанализа на службе палеографии и

источниковедения»² и на обзоре Ю. И. Гренберга «Очерки истории развития технико-технологических исследований живописи» 1971 – 75 гг.³.

Публикация Гольщенко, Люблинского и Эрастова является важным этапом развития методологии применения *фотоаналитических* методов в изучении рукописных памятников в нашей стране. Одновременно, в ней содержится первый, и пока единственный, исторический очерк, непосредственно посвященный истории фотографического изучения рукописно-книжных памятников. Авторы подчеркивали, что в их «сообщении» предполагалось лишь дать «самую суммарную справку об общих путях внедрения фотоаналитических методов в прошлом»⁴. Такой подход объясняет и неполноту исторической части статьи, и фактическое отсутствие в ней анализа истории развития методологии *фотоанализа* рукописей. Однако большая историографическая ценность этой работы заключается в том, что в ней впервые были поставлены вопросы не только о необходимости исследования истории фотографического изучения рукописно-книжных памятников, но и о внесении соответствующих разделов в отечественные пособия по палеографии, а также о необходимости оценки той роли, которую сыграли в изучении памятников «фотокабинеты» при крупнейших библиотеках и музеях⁵.

Обзорная серия очерков Ю. И. Гренберга содержит большой и разнообразный материал по истории применения фотографии и фотографических методов в технико-технологическом анализе памятников (прежде всего живописи), основанный на анализе систематически разработанной библиографии вопроса. Немало в очерках упоминаний и о фотографическом исследовании рукописно-книжных памятников, но специальное описание истории их изучения непосредственно в задачи автора не входило. Соответственно, в работе не было представлено и какой-либо целостной системы развития фотографического анализа рукописей и его методологии.

²Гольщенко В. С., Люблинский В. С., Эрастов Д. П. Новейшие приемы фотоанализа на службе палеографии и источниковедения // Проблемы источниковедения. Вып. IX. М., 1961. С. 408 – 432.

³Гренберг Ю. И. Очерки истории развития технико-технологических исследований живописи // Сообщения ВЦНИЛКР. Вып. 26. М., 1971. С. 27 – 50.; Вып. 27. М., 1971. С. 43 – 95.; Вып. 28. М., 1973. С. 3 – 100.; Вып. 29. М., 1975. С. 22 – 62.

⁴Гольщенко В. С., Люблинский В. С., Эрастов Д. П. Новейшие приемы ... С. 408.
⁵Там же. С. 411, 414.

Отдельное место в историографии вопроса занимает исследование и оценка деятельности и творчества создателя *фотоанализа* – Е. Ф. Буринского. Важнейшими в этом направлении стали работы Н. В. Терзиева, А. И. Винберга и И. Ф. Крылова⁶. Они достаточно полно представляют как научную биографию Буринского, так и его вклад в методологию экспертного изучения документов. Однако в трудах названных авторов творчество Буринского рассматривается исключительно в контексте создания и становления отечественной криминалистики, что, безусловно, является искусственным сужением взгляда на это важнейшее явление в истории всей русской науки о документе. Роль Буринского в формировании *экспертного направления* в изучении рукописно-книжных памятников и его методологии до сих пор остается фактически не оцененной. Точно так же, в небольшом количестве публикаций, посвященных одному из известнейших последователей Буринского В. И. Фаворскому, разрабатывавшему в первые десятилетия XX в. направление *фотографического изучения документов*, он рассматривается практически исключительно как криминалист⁷, хотя его творчество имеет непосредственное отношение к становлению методологии *фотографического исследования исторических документов*.

С 1990-х годов активно издаются работы, посвященные рассмотрению деятельности таких ученых, как Н. П. Лихачев, В. Н. Бенешевич, В. С. Люблинский, публикуются материалы о Н. П. Тихонове и С. Г. Гасилове. Часть этих исследований посвящена анализу событий в истории отечественной гуманитарной науки периода 1920-х – 1930-х гг., приведших к трагическому перелому в судьбе целого поколения специалистов по рукописной книге. Другие работы носят историко-биографический характер. Все эти исследования и биографические очерки (Л. Б. Вольфцун, Л. Г. Климанова, И. Н. Лебедевой, И. П. Медведева, Е. С. Черниной,

⁶Терзиев Н. В. Е. Ф. Буринский и его значение в криминалистике. К предстоящему столетию со дня рождения // Ученые записки Всесоюзного юридического заочного института. М., 1948. С. 131 – 136; Винберг А. И. Роль учения Е. Ф. Буринского в формировании отечественной криминалистики. Учебное пособие. Волгоград, 1981; Крылов И. Ф. В мире криминалистики. Л., 1989. С. 46 – 69, 278 – 279.

⁷Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999. С. 92 – 96; Чисніков В. М. Фаворський Василь Іванович // Юридична енциклопедія. Т. 6 (Т – Я). Київ, 2004. С. 246.

Д. П. Эрстова и др.⁸) важны для понимания отдельных моментов истории развития фотографического анализа рукописей и всего *экспертного направления* изучения рукописно-книжных памятников в первом тридцатилетии XX в. Однако, они не ставят своей целью ни специальное исследование формирования фотографических методов изучения рукописей, ни исследование становления *экспертной* методологии в изучении памятников.

Самостоятельной историографической областью являются исследования, очерки и заметки по истории учреждений, в составе которых развивался *фотоанализ* рукописно-книжных материалов (РАИМК-ГАИМК, ГПБ-РНБ, ЛКРД). Такого рода работы включают в себя как масштабные проекты типа биографического словаря «Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры», так и отдельные очерки, посвященные специфике «научно-политической» ситуации в конкретном учреждении в тот или иной период или общему обзору истории учреждения⁹. Однако, все эти публикации с точки зрения задач нашего исследования могут носить лишь вспомогательный характер. Ни одна из них непо-

⁸Вольфцун Л. Б. В. Н. Бенешевич (1874 – 1938) – исследователь и хранитель греческих рукописей // История в рукописях и рукописи в истории. Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 186 – 213; Вольфцун Л. Б., Лебедева И. Н. В. Н. Бенешевич – основатель фотолаборатории Государственной Публичной библиотеки и хранитель фонда греческих рукописей // «История в рукописях и рукописи в истории». Материалы международной научной конференции. (Санкт-Петербург, 14 – 16 июня 2005 г.). Вып. 2. Древнерусские и греческие рукописи Российской национальной библиотеки. СПб., 2007. С. 166 – 173; Вольфцун Л. Б. Гасилов Сергей Гаврилович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 2. Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918 – 1930. СПб., 1999. С. 189 – 192; Климанов Л. Г. Ученый и коллекционер, «известный всей России и ещё более Европе» // Репрессированная наука. СПб., 1991. С. 424 – 453.; Медведев И. П. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб., 2006. С. 192 – 312.; Эрстов Д. П., Тихонов П. А., Чернина - Е. С. Николай Петрович Тихонов – основатель Лаборатории консервации и реставрации документов Академии Наук // Теория и практика сохранения памятников культуры. Сборник научных трудов. Вып. 19. СПб., 1998. С. 27 – 32 и др.

⁹См. например, статьи Н. И. Платоновой, освещающие вопрос организации РАИМК (Платонова Н. И. Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918 – 1919 гг.) // Советская археология. 1989. №4. М., 1989. С. 5 – 16; Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки // Археологические вести. №5 1996 – 1997. СПб., 1998. С. 371 – 382), разделы в книге А. А. Формозова «Русские археологи в период тоталитаризма» (Фор-

средственно не рассматривает историю становления и развития фотографического, *историко-технологического* или *экспертного* изучения памятников.

В целом избранная для данного диссертационного исследования тема, является крайне неразработанной в историографии.

Источниковая база. Источниковой базой работы послужили разнообразные печатные и архивные материалы: публикации в отечественных фотографических и исторических периодических изданиях; монографические труды специалистов в области *фотоаналитического* изучения документов и памятников; издания научных центров, где осуществлялись *фотоаналитические* и *историко-технологические* исследования; периодические издания Академии Наук; периодика, посвященная искусству и музейной проблематике; теоретические работы в области методологии исторического исследования; публикации по методологии и практике специальных («вспомогательных») исторических дисциплин; мемуарные и эпистолярные источники; некрологи, юбилейные публикации; архивные материалы: делопроизводственные материалы, ведомственные отчеты и личные дела, «научный архив» ЛКРД АН СССР.

Концептуальные вопросы развития исторической и *экспертной* методологии нашли свое отражение в творчестве таких исследователей как А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев, Е. Ф. Буринский. Для анализа формирования теории *экспертного* и *историко-технологического* изучения памятников важнейшую роль играет научное наследие А. А. Поповицкого, А. Е. Ферсмана, М. В. Фармаковского, В. А. Щавинского, Н. П. Тихонова, В. В. Данилевского, В. С. Люблинского и др.

Ценным материал для изучения становления фотографических методов исследования документов и деятельности ведущих специалистов в этой области, представляет отечественная фотографическая периодика как кон. XIX – нач. XX вв. (например, журналы: «Вестник фотографии», «Фотограф», «Фотографический вестник», «Фотограф-любитель» и т. п.), так и советского периода («Вестник фотографии и кинематографии», «Известия Высшего Института Фотографии и Фототехники» и др.). Развитие *историко-технологического* изучения памятников в кон. 1910-х – 1930-х гг. пред-

мозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006), посвященные ситуации в ГАИМК в кон. 1920-х – 1-й пол. 1930-х гг. или очерки по истории ЛКРД (*Люблинский В. С.* О нашей общей задаче // Старение бумаги. М.Л., 1965. С. 5 – 17; *Эрастов Д. П.* На службе сохранности документов // Сохранность документов. Л., 1987. С. 5 – 13).

ставлено в изданиях ГАИМК («Известия Института Археологической Технологии», «Сообщения Государственной Академии Истории Материальной культуры» и др.) и в музейной периодике («Казанский музейный вестник», «Музейное дело»). Проблемы интеграции *фотоанализа и историко-технологических исследований* в методологию специальных исторических дисциплин обсуждались в отечественной науке с начала XX в. и в течение всего интересующего нас периода (например, в таких изданиях как «Вестник археологии и истории издаваемый С.-Петербургским Археологическим Институтом», «Вспомогательные исторические дисциплины» и т. п.), отразились и в учебных курсах (Славяно-русская палеография А. И. Соболевского).

Важным источником для понимания концепций развития гуманитарного знания в СССР в 20-е – 30-е гг. XX в. являются такие журналы как «Научный работник», «Сообщения Государственной Академии Истории Материальной культуры» («Проблемы истории докапиталистических обществ») и «Советская археология».

Научная деятельность ЛКРД в 1930-е – 1960-е гг. нашла достаточно полное выражение в изданиях Лаборатории («Труды Лаборатории Консервации и Реставрации Документов», «Новые методы реставрации и консервации документов и книг. Сборник работ за 1958 год.», «Старение бумаги» и т. п.).

Жизнь отечественной научной среды и методологические взгляды исследуемой эпохи представлены и в мемуарной литературе (А. Ф. Кони, В. А. Стеклов, Б. Б. Пиотровский).

Ценным источником послужили архивные фонды. В Архиве ИИМК РАН использовались как материалы Института Археологической (Исторической) Технологии ГАИМК в фонде ГАИМК (ф.2), так и материалы личной деятельности Н. П. Тихонова (ф.2, оп.3, д.655 и д.656; ф.2, оп.5, д.311). Большое значение для данного исследования имеет фонд ЛКРД АН СССР в Петербургском филиале Архива РАН (ф.314). Здесь же в фонде Комитета Правления и Управления делами АН (ф.4) находятся личные документы, касающиеся работы Н. П. Тихонова в системе АН СССР. Частично материалы «научного архива» ЛКРД перешли в собрание НИОР БАН (Собрание авторских материалов №13₄ и ₅). Важные эпистолярные материалы по истории ЛКРД хранятся в Архиве РАН в фонде акад. В. Л. Комарова (ф.277). Кроме указанных архивных источников в исследовании использован первоначальный вариант докторской диссертации З. В. Участкиной «История развития бумажного производства в России» (1954 г.) из Музея СПб ГТУРП.

Практическая значимость. Материалы диссертации могут быть использованы в научной и преподавательской работе, при подготовке общих и специальных лекционных курсов и семинаров по истории отечественной науки и культуры кон. XIX – I-й пол. XX вв., по специальным историческим дисциплинам. Также они могут применяться при разработке методологической базы *экспертных исследований* рукописно-книжных памятников

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры Истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета СПбГУ. По теме исследования сделаны доклады: «Историко-документная экспертиза: проблемы теории и практическое применение в изучении, сохранении, учете и публикации памятников культурного наследия» на международной конференции «История в рукописях – рукописи в истории» (Российская национальная библиотека, 2005); «Историко-документная экспертиза в контексте источниковедческого изучения рукописно-книжных памятников» (Отдел древнерусской литературы ИРЛИ РАН, 2005); «Modern problems and methods of optic-electronic research and modelling of manuscripts» на международной конференции «Digital Philology – Problems and Perspectives» (International conference on the development and application of digital technologies in paleography and scholarly editing) (Гамбургский университет, 2006); «Создание технических методов исследования документов в интеллектуальной среде России «Серебряного века» на всероссийской конференции «Мавродинские чтения – 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. К 100-летию со дня рождения В. В. Мавродина» (Исторический факультет СПбГУ, 2008).

Опубликованы научные статьи: Общие принципы создания цифровых моделей рукописно-книжных памятников // История и культура: Актуальные проблемы. Сборник статей в честь 70-летия профессора Юрия Константиновича Руденко. – СПб: Наука, 2005. – С. 317 – 330; Фотографическое исследование рукописно-книжных памятников в России. Начало: 1898 – 1919 гг. // Русская история и культура: Статьи. Воспоминания. Эссе / Под ред. Ю. К. Руденко. – СПб: Наука, 2007. – С. 208 – 230.; История экспертного исследования рукописно-книжных памятников в России – рождение фотометодов // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 2 История. Вып. 1 март 2008. – СПб: СПбГУ, 2008. – С. 182 – 192.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, трех глав, Заключение, Списка источников и использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ.

Во Введении определяется объект, предмет, цели и задачи, хронологическая периодизация исследования. Мотивируется его актуальность и научная новизна. Характеризуются источниковая база и историография избранной темы.

Первая глава «Рождение *фотоанализа*: фотографическое изучение рукописно-книжных памятников и экспертиза документов в России 1898 – 1918 гг.» посвящена рассмотрению первого этапа формирования *фотоанализа* документов и, одновременно, первого этапа на пути становления *историко-документной экспертизы* в России (1898 – 1918 гг.).

В параграфе 2.1. «*Исследующая фотография*» *Е. Ф. Буринского и экспертиза документов в России*» описывается возникновение в России фотографических методов исследования документов. Рассматривается связь появления «фотографического цветоделения» *Е. Ф. Буринского* с проблемой изучения исторических документов и рукописно-книжных памятников. Отдельно анализируется структура методологических взглядов *Буринского*, которые базируются на следующих основаниях:

Во-первых, *Буринский* рассматривал свое творчество в области фотографии, как развитие самой её теории, как начало «целой отдельной области светописии» – *исследующей фотографии*. Для него *исследующая фотография* – это принципиально другое зрение для ученого, гораздо более совершенное в способности различать цвета и оттенки; могущее «видеть невидимое»¹⁰. Полномасштабная реализация такого подхода была возможна только при условии создания независимого, исследовательского центра академического типа. К сожалению, этот проект реализован не был.

Во-вторых, *Е. Ф. Буринский* считал, что фотографическое изучение документов по своей методологии и методикам – единая целостная область исследования без методологического или технического отделения судебного исследования рукописей от исследования исторических памятников.

¹⁰*Буринский Е. Ф.* Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. М., 2002. С. 70 – 71; Известия Императорской Академии наук. 1895. Апрель. Т. II. №4. СПб., 1895 Известия Императорской Академии наук. 1895. Апрель. Т. II. №4. СПб., 1895. С. CLXVIII – CLXIX; *Буринский Е.* Записка об усовершенствованиях, достигнутых в фотографии // Известия Императорской Академии наук. 1896. Март. Т. IV. №3. СПб., 1896. С. 317 – 318.

В-третьих, Е. Ф. Буринский исходил из комплексного взгляда на экспертное исследование документа. Точнее всего определить это направление как *документную экспертизу*, которая в зависимости от специфики применения подразделялась на судебную экспертизу документов и на экспертизу исторических документов. Создаваемая им наука включала в себя восстановление «утраченных» текстов, выявление подделки, анализ бумаги, почерковедческое исследование. В данной концепции объектом науки-экспертизы является документ как целостный комплекс всех его структурных элементов. Характерно, что как Буринским, так и его современниками и *исследующая фотография*, и *экспертиза документов* (методология, а не юридическое действие) относились к области естественных наук. Можно сказать, что творчество Буринского – это развитие такого восприятия документа, в котором гуманитарное познание переходит в естественнонаучное, и наоборот.

В параграфе 2.2. «*Фотография «исследующая» и фотография «запечатлевающая» в исследовании рукописно-книжных памятников*» рассмотрены взгляды на задачи и функции репродукционной фотографии рукописно-книжных памятников, существовавшие в России к моменту публикации работ Е. Ф. Буринского. В качестве примеров для анализа взяты «Записка» П. И. Севастьянова «О светописи в отношении к археологии» (1858 г.)¹¹ и работа «Археологическая фотографическая съемка», опубликованная в 1892 г. в журнале «Фотограф любитель»¹² и являющаяся изложением материалов из книги Э. Трюта «*La photographie appliquée à l'archéologie: reproduction des monuments, œuvres d'art, mobilier, inscriptions, manuscrits*» (1879 г.).

Параграф 2.3. «*Эпоха Буринского» в фотографическом изучении документов*». Первые двадцать лет (1898 – 1918 гг.) истории использования в России фотографии как самостоятельного инструмента исследования исторических документов можно с полным правом назвать «эпохой Буринского». Ближайшие последователи в целом остаются в рамках очерченных им базовых теоретических взглядов. Фундаментальных организационных изменений не происходит, но развивается методический и методологический инструментарий.

¹¹О светописи в отношении к археологии. Записка П. И. Севастьянова, читанная 5 февраля 1858 г., в собрании Парижской Академии Надписей и Словесности // Известия Императорского Археологического Общества. Т. I. Вып. 5. СПб., 1858. Стлб. 257 – 261.

¹² Археологическая фотографическая съемка // Фотограф любитель. 1892. Август. №8. СПб., 1892. Стлб. 283 – 288; Сентябрь. №9. СПб., 1892. Стлб. 326 – 332.

В параграфе рассматривается деятельность и научные взгляды ведущих исследователей в области фотографического исследования документов В. И. Фаворского и А. А. Поповицкого (до 1919 г.). Анализируются и работы специалистов по «запечатлевающей» (репродукционной) фотографии рукописей (прежде всего А. И. Яцимирского), а также публикации авторов, не специализировавшихся на проблемах фотографической обработки рукописных книг и документов, но внесших важный вклад в развитие методологии исследовательского «фотографического видения» памятников (А. Углов и А. А. Карелин).

Важнейшим итогом «эпохи Буринского» стало изменение исследовательского восприятия документа как материального объекта. Идея *исследующей фотографии* и её применение к документу привели к началу разработки самостоятельной «системы наблюдения» документа. При этом визуальный осмотр документа становился формой его анализа, требующей специальной методологии и техники реализации. В «эпоху Буринского» именно благодаря фотографии происходит осознание самого света как инструмента исследования документа. Это стало началом формирования *экспертного осмотра* документа как самостоятельного исследовательского действия. Разработка *исследующей фотографии* привела Буринского к созданию первой оригинальной отечественной системы судебной экспертизы документов, важнейшее место в которой занимает внимание к деталям невербальной информации. Можно сказать, что разработка *исследующей фотографии* привела к своеобразному открытию значения и ценности системного изучения «невербальных деталей» документа. Причем эти детали наблюдались уже не как *приметы*, а как *следы*. «Эпоха Буринского» стала выводить в исследовании документов на место подмечающего *приметы* «знатока» эксперта–профессионала «холмсовского» типа, нацеленного на системное формализованное изучение *следов*¹³ и вооруженного для их выявления и анализа строгой методологией вместе с новейшей фотографической техникой. Появился новый тип наблюдателя и новый тип наблюдения.

Ещё одним важным итогом «эпохи Буринского» стало то, что с первыми работами её зачинателя мир исследовательской фотографии памятников получил ещё одно «измерение» – стал из «двухмерного» «трех-

¹³*Следов* в которых выражены, требующие методологически обоснованного выявления, анализа и систематизации, *признаки* свойств оставивших их явлений, событий, людей или орудий.

мерным». До этого фотография рукописно-книжных памятников относилась только к «пространственному измерению». Посредством фотографии памятники «перемещались» в пространстве – становились доступными, могли собираться и сравниваться вне зависимости от места их физического пребывания. Это была форма своего рода пространственного освоения и «присвоения» фонда историко-культурного наследия, применительно к отечественной науке, – форма освоения, прежде всего, славяно-русского и восточно-христианского наследия. С появлением *исследующей фотографии* Буринского ученый получал возможность своеобразного движения по вертикали времени – возможность физического наблюдения прошлых состояний памятника, возможность объективного строго изучения прошлого вместо его «интуитивной» реконструкции. В этом плане *фотоанализ* пересекается с таким явлением, как начало в последнее десятилетие перед октябрьскими событиями 1917 г. расчистки памятников иконописи. Такая расчистка, как и *фотоанализ*, была направлена на объективное наблюдение первоначального вида памятника без его «реконструкции» под древность¹⁴.

«Эпоха Буринского» – целостный, «законченный» период в истории *фотоанализа* документов и *документной экспертизы* в целом. Этот период неразрывно связан с идеей *исследующей фотографии* как самостоятельного направления. Однако сама идея не оказалась достаточно жизнеспособной, что стало проявляться в 1910-е гг. В развитии фотографии, как инструмента исследования возобладала «научно-отраслевая» ориентированность. Идеи о независимом универсальном центре *исследующей фотографии* отошли в прошлое. Зато развивалась *экспертиза* документов, в составе которой методы *исследующей фотографии* играли исключительно важную роль. Весь этот период *документная экспертиза* оставалась по своей сути единым направлением: в своей технике и методологии она объединяла криминалистическую и *историко-документную* проблематику. К началу первой мировой войны в России завершилось формирование самостоятельной системы учреждений судебной экспертизы, что косвенно означало окончание «детства» фотометодов исследования документов. Для *фотоанализа* рукописно-книжных памятников наступил этап «самоопределения».

В начале XX в. и юристы (например, И. Г. Щегловитов), и историки (например, Н. И. Кареев или А. С. Лаппо-Данилевский) ясно осознавали

¹⁴Вздорнов Г. И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006. С. 13 – 20.

близость логики, методологии криминалистического (судебного) и исторического исследования (в том числе исследования источников). Существовали своеобразные «концепции» единства экспертных исследований, объединяющие как различные экспертизы судебного характера так и «художественную» экспертизу, и экспертизу «историческую», другие виды экспертиз (А. Ф. Кони). Некоторые области экспертизы исторических документов (установление их подлинности и аутентичности) непосредственно пересекались с решением юридических вопросов и регулировались законодательно. Поэтому к 1917 г. *фотоанализа* рукописно-книжных памятников оказался перед выбором между двумя потенциальными возможностями дальнейшего развития – либо превращение в частный случай криминалистического исследования документов, либо самостоятельная институализация.

Вторая глава «Институализация *фотоанализа* рукописно-книжных памятников. Институт Археологической Технологии ГАИМК 1919 – 1930 гг.: *экспертное направление* в рамках изучения «исторической технологии» посвящена институализации *фотоанализа* памятников и его развитию в рамках деятельности организованного в составе Государственной Академии Истории Материальной культуры (ГАИМК) Института Археологической Технологии (ИАТ). В главе рассматривается «переход» *фотоанализа* исторических документов и всего *экспертного направления* изучения рукописно-книжных памятников в систему изучения *исторической технологии*, центром которого являлся ИАТ.

Параграф 3.1. «Институт археологической технологии (ИАТ) Российской академии истории материальной культуры». В структуре ГАИМК первых десяти лет её существования ИАТ занимал особое положение. Он не относился ни к одному отделению Академии и с самого начала стремился быть не в Академии, а *при* ней¹⁵. Первоначально в ИАТ существовало 5 самостоятельных «разрядов» (объектно-ориентированных исследовательских групп): камня, керамики и стекла, технологии красок и живописной техники, металла, органических останков. Руководитель Института акад. А. Е. Ферсман и его ученый секретарь М. В. Фармаковский отмечая, что «... жизнь настойчиво требует ввести мысль историка или археолога в тот цикл научного мышления, который мы называем естественно-историческим мирозерцанием», указывали, что задачей ИАТ «являет-

¹⁵Архив ИИМК ф.2, оп.1 (1921), д.49 – Институт Археологической Технологии. Отчет за 1921 г. С. 9.

ся на совершенно конкретной исследовательской работе найти общий язык между гуманитариями и естественниками и, исходя из вещественного материала, находящегося в руках археолога, попытаться выработать новые методы анализа достижений человеческой мысли и духа в их прошлых путях». Институт ставил своей целью «не только узкое техническое изучение самой технологии, как можно было бы думать по самому названию этого учреждения, а производства на разных ступенях развития человека, всесторонне изучение вопросов археологии методами естественных наук и внедрение этой техники в работу археологов и историков»¹⁶.

Параграф 3.2. «Фотоанализ и исследование рукописей в ИАТ в начале его существования». Первоначально интерес к *фотоанализу* в ИАТ концентрировался в Разряде техники живописи и технологии красок. В состав разряда вместе с его заведующим – В. А. Щавинским и В. Н. Кононовым вошел в качестве «ученого сотрудника» А. А. Поповицкий. Одновременно в работе разряда принимали участие консультанты ИАТ – П. К. Симони и Л. Ф. Ильин. В деятельности разряда на первом этапе существования ИАТ прослеживается взаимосвязь как с традицией судебной (криминалистической) экспертизы, так и с традицией технологического, археографического и книговедческого изучения рукописно-книжных памятников. Во время работы в ИАТ А.А. Поповицкий была подготовлена программная статья «О некоторых свойствах фотографии, важных для археологических исследований» (1922 г.)¹⁷. Эта статья закрепляла переход от «эпохи Буринского» – в которой *фотоанализ* рукописей развивался, прежде всего, в рамках становления *экспертизы документов* – к «эпохе ГА-ИМК», где господствовала идея изучения истории технологии как самостоятельного направления исследования истории общества.

Уже в первые пять лет существования ИАТ заявил о себе как о потенциальном центре *историко-технологического изучения* рукописно-книжных памятников. Исследование книг и документов концентрировалось в том же Разряде красок, где разрабатывается и *фотоаналитическое* направление. Проблематика изучения рукописно-книжных памятников на уровне анализа пигментов, чернил (включая задачи *экспертного* исследо-

¹⁶Известия Института Археологической Технологии. Вып. II. Три года работы института. / Под ред. Ферсмана А. Е. и Фармаковского М. В. Л., 1924. С. 3 -5.

¹⁷Поповицкий А. А. О некоторых свойствах фотографии, важных для археологических исследований. // Известия Института Археологической Технологии. Выпуск I. ПБг., 1922. С. 53 – 64.

вания славяно-русских рукописей) и техники украшения рукописей была в этот период одним из важнейших направлений работы разряда.

Параграф 3.3. «Общие методологические основы организации ИАТ в первый период деятельности (1919 – 1929 гг.)». Концепция ИАТ фокусировалась на рассмотрении технологии производства исторических объектов, процесса получения, использования и обработки сырья (из которого произведены эти объекты), как на самоценных и самодостаточных источниках по истории культуры и общества. При таком взгляде сам памятник как целое не рассматривался, а выделялись его отдельные структурно-технологические составляющие (например, чернила в рукописях), которые анализировались уже как явление истории той или иной «технологии». *Экспертные задачи* – определение точного времени и места производства памятников, реконструкция процесса его бытования, установление подлинности и т. п. – носили вторичный характер, были «производными» от историко-технологического подхода.

С методологической точки зрения многое в деятельности и концепции исследований ИАТ стало развитием и продолжением традиции *историко-технологических исследований*, уже существовавшей в России. В нач. XX в. *историко-технологические исследования* активно развиваются, стремясь превратиться в самостоятельную форму понимания истории общества. Показательным направлением стала разработка «корпоративной истории» (например, бумажной промышленности России). Нельзя не отметить и связи ИАТ в период его формирования с работой Комиссии по изучению естественных производительных сил России Академии наук (КЕПС). Цикл лекций А. Е. Ферсмана, прочитанный в 1919 г. в КЕПС, представляет собой своеобразный прообраз и методологическую модель деятельности Разряда камня ИАТ¹⁸.

Параллели в исследовательских подходах КЕПС и ИАТ указывают на то, что идея изучения исторической технологии в ИАТ во многом исходила из восприятия самой исторической технологии через проблему выявления, анализа и эксплуатации ресурсов – материальное наследие прошлого рассматривается как один из ресурсов общества современности.

В соответствии с общими методологическими установками ИАТ в *историко-технологическом* изучении рукописно-книжных памятников в первый период работы Института намечилось два направления. Во-первых,

¹⁸Ферман А. Е. Самоцветы России: Цикл лекций, читанных в Комиссии Производительных Сил России Российской Академии Наук в 1919 г. Т. I. Пг., 1921.

фундаментальные *историко-технологические исследования* как часть своеобразной технологической истории общества. Во-вторых, те исследования, которые – по аналогии с современным изучением живописи – нужно определить как разработка научных основ технико-технологической *экспертизы*.

Параграф 3.4. *«Изучение рукописно-книжных памятников в ИАТ в контексте отечественной научной среды 1920-х гг.»*. Во время В. А. Щавинского и А. А. Поповицкого предметом непосредственного исследования рукописно-книжных памятников в ИАТ стали красители и пигменты, но сам Институт находился внутри исследовательской среды, в которой интерес к рукописям был гораздо шире. Прежде всего, это среда самой ГАИМК, где сотрудничают: Н. П. Сычев, Н. П. Лихачев, В. Н. Щепкин, О. А. Добиаш-Рождественская, В. Н. Бенешевич и другие. Каждое из этих имен обозначает целую область в изучении исторических документов. Н. П. Лихачев, В. Н. Бенешевич и О. А. Добиаш-Рождественская связывали ГАИМК с Музеем Палеографии АН СССР и Отделом Рукописей Государственной публичной библиотеки.

Созданный в 1925 г. на базе личной коллекции акад. Н. П. Лихачева Музей Палеографии АН СССР был музеем документа, сочетавшим несколько направлений подбора и представления материала: «палеографическую» направленность, историю письма и историю документа. В собрании Лихачева ясно прослеживалось и очень характерное для его творчества *экспертное направление*. Наконец, это был своеобразный *историко-технологический* музей книги. Музей Палеографии АН и ИАТ ГАИМК являлись частью единого «интеллектуального пространства». Оно формировалось общностью интересов и методологических подходов, которые точнее всего можно определить как источниковедческое *историко-технологическое исследование* памятников материальной культуры. При этом и в случае ИАТ, и в случае Музея палеографии в *историко-технологическом подходе* присутствует «*экспертная составляющая*».

В 1924 г. в Российской публичной библиотеке (РПБ–ГПБ) началась организация центра фотографического исследования рукописей – первого специализированного отечественного подразделения (фотокабинета) *фотоанализа* рукописно-книжных памятников, возглавляемого видным историком-византистом, археографом и палеографом В. Н. Бенешевичем. В качестве подразделения исследования рукописно-книжных памятников фотокабинет РПБ просуществовал только около 4-х лет и реальных практических результатов в этой области достигнуть не успел. После ареста В. Н. Бенешевича (1928 г.) он был переориентирован с научных на

производственные задачи. Однако само по себе создание фотокабинета стало первым случаем институализации в нашей стране фотографических исследований рукописно-книжных памятников как самостоятельного направления. При этом в деятельности Бенешевича существовала тенденция к интеграции технического исследования рукописи (*фотоаналитическая* съемка, специализированная съемка почерков и т. п.) с её «палеографическим» изучением.

В параграфе 3.5. «*Концепция фотоаналитических исследований памятников в ИАТ*» подробно рассматривается система представлений о задачах, принципах и средствах *фотоанализа* памятников, сложившаяся в ИАТ.

В марте 1927 г. в Институте организовывается собственная лаборатория *фотоанализа* «для заведования которой был привлечен фотоаналитик Н. П. Тихонов»¹⁹. В том же 1927 г. в ГАИМК'е прошла выставка результатов работ ИАТ за 1920 – 1927 гг., которой была посвящена концептуальная статья М. В. Фармаковского²⁰. И выставка, и статья оказались своеобразным подведением итогов деятельности ИАТ в преддверии переломных событий нач. 1930-х гг. Экспонаты выставки, относящиеся к фотографическим методам исследования, были отобраны и представлены как своеобразный методологический музей *фотоанализа*. Выставка стала окончательным утверждением институализации *фотоанализа* памятников в ИАТ и, одновременно, демонстрацией того, что Институт является в СССР основным методологическим центром в данной области.

Отраженная на выставке концепция *фотоанализа* строилась на том, что «фотоанализ применяется Институтом для трех целей: 1) фотодокументирования <...>, 2) повышения тональности и 3) определения цветности»²¹. В общетеоретическом плане эта концепция была развитием взглядов Е. Ф. Буринского и А. А. Поповицкого, но при этом она отражала новый, более высокий, уровень разработки методик и техники *фотоанализа*.

В параграфе 3.6. «*Перелом: завершение периода 1919 – 1929 гг.*» подводятся итоги десятилетнего периода развития *фотоанализа*

¹⁹Отчет о деятельности Государственной Академии Истории Материальной Культуры с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. (извлечение) // Сообщения ГАИМК. Вып. II. Л., 1929. С. 366.

²⁰*Фармаковский М.* Выставка результатов работ Института Археологической Технологии при Академии Истории Материальной Культуры Сообщения за 1920 – 1927 гг. // Сообщения ГАИМК. Вып. II. Л., 1929. С. 240 – 264.

²¹*Там же.* С. 256.

памятников и *экспертного* направления изучения исторических документов, а также рассматриваются организационно-идеологические изменения начала 1930-х гг. в жизни той интеллектуальной среды, где развивались эти области исследования материальной культуры.

В 1929 г. в судьбе отечественной науки наступил переломный этап, символом которого были события «Академического дела». Началась насильственная и кардинальная перестройка методологических парадигм гуманитарного знания под давлением взглядов акад. М. Н. Покровского и его последователей. С 1929 г. в ГАИМК'е повсеместно навязываются методологические установки «школы Покровского» и требования строгого соответствия всех исследований марксистской концепции истории (в понимании начала 30-х гг.). Разворачивается борьба с «чуждыми» научными взглядами и их носителями.

Руководители ИАТ пытались подстроиться под текущие идеологические императивы. Однако уверения в полном методологическом соглашении с требованиями теории марксизма не помогли. Руководство ИАТ было заменено, и после продлившейся около двух лет административной нестабильности в марте 1932 г. «новый» Институт Исторической Технологии (ИИТ), возникший на базе Института Археологической Технологии, возглавил Н. П. Тихонов. В самом названии Института происходит замена «археологической технологии» на «историческую технологию», как отказ от связи с идеологически чуждым «вещеведением», как теперь стала определяться «старая» археология.

15 марта 1933 г. заместителем директора ИИТ стал член ГАИМК В. В. Данилевский, специализировавшийся на истории техники. Это назначение является знаковым с точки зрения тех перемен, которые произошли в понимании смысла *историко-технологических исследований* в ГАИМК и в бывшем ИАТ. 5 мая 1933 г. на заседании ИИТ Данилевский делает программный доклад, в сокращенном виде опубликованный в качестве статьи «История материальной культуры и борьба за социалистическую индустрию»²², своеобразным базовым тезисом которого становятся слова о том, что «великое индустриальное строительство СССР требует учета и критического использования всего прошлого и настоящего мировой истории, в том числе выявления, учета и реализации также и забытых, заброшенных,

²²Данилевский В. В. История материальной культуры и борьба за социалистическую индустрию // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. Январь. №1. М.: Л., 1934. С. 109 – 118.

неиспользованных или оказавшихся непосильными для классового общества технических возможностей ...»²³. Перед нами тот же «ресурсный подход» к историческому наследию и «исторической технологии», который наблюдается у руководителей ИАТ и ГАИМК в предыдущий период. Однако, в докладе он значительно усилился, превращаясь в важнейший концептуальный принцип *историко-технологических исследований*.

Само появление В. В. Данилевского в руководстве ИИТ и его творчество в этом качестве указывает на процесс активного «срачивания» *историко-технологических исследований* с историей техники в самом широком понимании этой дисциплины. Это также, в принципе, не противоречило «логике ИАТ» первого периода, но в новых условиях возникала реальная угроза поглощения «исторической технологии» историей техники. Кроме того, в борьбе с «классовым буржуазным вещеведением» методологические акценты резко смещались с *историко-технологического изучения* конкретных памятников на рассмотрение истории технологии как отражения общественных отношений. Однако, рассматривая те изменения, которые происходили в ГАИМК в нач. 1930-х гг., необходимо учитывать, что ИАТ–ИИТ по своим исходным методологическим установкам был, пожалуй, наиболее «приемлемым» (из всех научных подразделений и учреждений ГАИМК) для новых идеологических руководителей. В конечном итоге методологические основы и концепция Института подверглись не глубокой внутренней перестройке, а максимальной идеологизации и жесткой внешней «привязке» к текущим партийными и правительственным установкам.

Третья глава «Между исторической технологией и реставрацией: от ИАТ ГАИМК к ЛКРД РАН. 1930 – 1964 гг.» посвящена рассмотрению деятельности Н. П. Тихонова в качестве ведущего специалиста в области *фотоанализа* и руководителя ИИТ ГАИМК, а также организатора и директора Лаборатории консервации и реставрации документов (ЛКРД) АН СССР. Рассматривается попытка создания (на базе ЛКРД) своеобразного «института исторической технологии документа», роль Лаборатории в формировании *историко-технологического* и *экспертного подходов* к документу, в развитии *фотоанализа* в период до 1964 г. Анализируется методологическое значение опыта *фотоанализа* и *историко-технологического* изучения памятников для становления теории *историко-документной экспертизы*.

²³Там же. С. 112.

Параграф 4.1. «Николай Петрович Тихонов достойный «ученой степени доктора наук по специальности исторической технологии». Пришедший в 1927 г. в ИАТ Н. П. Тихонов, представлял собой новый тип сотрудника ГАИМК. Он мало походил на представителей первого «поколения» ИАТ и гораздо более напоминал «реформаторов-марксистов» ГАИМК'а эпохи 1929 – 34 гг. Однако как практик к моменту поступления в Институт Тихонов имел многолетний богатый и разнообразный опыт профессиональной работы в области научной фотографии и кинематографии, которые являлись его основной специализацией. Стремительный карьерный взлет Тихонова в ГАИМК полностью укладывается в период 1929 – 34 гг., когда шла активная идеологизация методологии исторической науки и разворачивалась борьба с «буржуазным» «вещеведением». «Программные» тексты Тихонова полностью выдержаны в духе господствовавшей в исторической науке этого периода идеологии (но без агрессивной направленности на представителей «буржуазной» науки). В области методологии исследования памятников, находящейся за пределами общетеоретических рассуждений в духе идеологических лидеров ГАИМК, Н. П. Тихонов не внес каких-либо изменений во взгляды создателей ИАТ. Однако, наследуя базовые принципы от предшественников, Тихонов в период работы в ИИТ оказал серьезное влияние на развитие *фотоанализа* памятников как разработчик методик, как практик и как организатор. Важную роль имели и его систематические публикации в изданиях ГАИМК, посвященные исследовательской фотографии памятников и *фотоанализу*, которые сами были формой интеграции *фотоанализа* в гуманитарное знание.

Параграф 4.2. «Фотоанализ и исследование документов в Институте Исторической Технологии» рассматривает практическую деятельность Института в 1930 – 34 гг. в области *фотоанализа* и работы с рукописно-книжными материалами.

В этот период область деятельности ИИТ–ИАТ расширяется. «Фотоаналитическая лаборатория, являющаяся единственной в СССР, широко применяет фотографию как метод исследования. Её работы <...> вышли за пределы археологических, где она дала ряд исследований: например, восстановление цветности монгольской вышивки <...> или вскрытие потухших записей в рукописях». «Её услугами по консультации и проработке специальных фотографических вопросов пользуются и другие научные учреждения Ленинграда, как Академия наук, Публичная библиотека, также

как и других городов»²⁴. Осуществлялось взаимодействие и с Русским Музеем. Сотрудничество с Публичной библиотекой (ГПБ) представляет особый интерес – здесь проводится *фотоанализ* Изборника Святослава 1076 г. Н. П. Тихонов активно интересуется рукописно-книжной тематикой. В 1931 г. он консультирует ГПБ по вопросам хранения рукописей, включая осмотр Остромирова и Пурпурного Евангелий, публикует заметку об опыте фотографического исследования и издании в Швеции так называемого Упсальского Серебряного Кодекса²⁵. Ещё с середины 1920-х гг. Тихонов занялся *фотоаналитическим* исследованием («восстановлением») ещё одного типа документов – фотографий. Работа эта продолжилась и в ИИТ.

Во время наибольшей активности организационной деятельности Тихонова в ГАИМК (с 1929 г. и вплоть до его ухода из штата в 1937 г.) постоянно развиваются интересы Института в области консервации и реставрации памятников. В рамках этих интересов Н. П. Тихонов предложил типовую структурную «схему реставрации объекта», которую можно назвать его важнейшей самостоятельной методологической разработкой периода ГАИМК. Схема представляет собой универсальный «методологический» инструмент для реконструкции материального исторического объекта (не только в целях реставрации). *Фотоанализ* отнесен в этой схеме к «фотографической реконструкции» объекта, которая строится на основании «изучения первоначальной формы» памятника²⁶. Проблемы реставрации и консервации памятников, безусловно, занимали серьезное место в научных интересах Института, однако, оставались лишь факультативными в отношении к основным (*историко-технологическим*) исследованиям. По этому поводу Тихонов заметил, что Институт был основан «совсем не с целью заниматься реставрацией и консервацией музейного имущества» – у него другая, «более сложная задача»²⁷.

Параграф 4.3. *«Лаборатория консервации и реставрации документов – путь к «институту исторической технологии документа»*. В 1934 г. Тихонов уходит с поста директора ИИТ и становится заведующим

²⁴Тихонов Н. П. Итоги и перспективы исторической технологии // Сообщения Государственной Академии Истории Материальной Культуры. 1931. Ноябрь – декабрь. №11 – 12. Л., 1931. С. 48.

²⁵Тихонов Н. П. Codex Argenteus Upsalensis // Сообщения Государственной Академии Истории Материальной Культуры. 1931. Июнь. №6. Л., 1931. С. 20 – 22.

²⁶Тихонов Н. П. Итоги и перспективы ... С. 48 – 49.

²⁷Там же. С. 51.

организованной им Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР. По этому поводу сын Н. П. Тихонова в 1948 г. отмечал, что «в 1934 г. <...> ТИХОНОВ Николай Петрович, <...>, принужден был оставить работу в Институте Исторической Технологии. Под давлением реакционных кругов, интереснейшая научная единица [И. И. Т.], рожденная советскими учеными, прекратило свое существование». Чтобы «спасти накопленный опыт, сохранить замечательные методики», Тихонов, организует ЛКРД, где реализует «методы марксистского подхода к документу» и «огромный технологический опыт, накопленный в Институте Исторической технологии»²⁸. Создание ЛКРД рассматривается как вынужденное действие Тихонова, как организация «ИИТ'а вне ИИТ'а». Только теперь это уже своеобразный *«институт исторической технологии документа»*.

Задачи и работы ЛКРД периода руководства Н. П. Тихонова были гораздо шире сугубо реставрационно-консервационной тематики. Так, в Лаборатории осуществлялся комплексный технологический анализ русских бумаг 1700 – 1900 гг. и бумаг XVII и XVI вв. Исследования эти велись в рамках деятельности по созданию документа «вечного хранения» (максимально долговечного документа). Работа очень показательная для понимания «идейной» связи ЛКРД и ИИТ. В ней развивается всё та же логика (ИАТ–ИИТ) «ресурсного подхода» к памятнику – рассмотрение исторической технологии как ресурса для решения современных технологических задач. Однако кроме решения утилитарно-практических задач эта работа была одновременно типичным *историко-технологическим* и *экспертным исследованием*. Ещё ярче *историко-технологическая* направленность ЛКРД проявилась в совместном проекте (1941 г.) Лаборатории и Института Востоковедения АН – «Монография материалов древних центрально- и среднеазиатских бумаг»²⁹. Если бы этот проект состоялся полностью, то он стал бы одним из лучших в мировой практике историко-бумаговедческим исследованием. Основная направленность проекта *историко-технологическая* и *технологическо-источниковедческая*. При этом в нем подчеркнута присутствует *экспертный* акцент – решение проблем установления подлинности и датировки документов по бумаге. Таким образом, к 1941 г. в ЛКРД сложились условия, и начался процесс формирования

²⁸ПФА РАН ф. 314, оп.2, д.181 – Письмо А. Н. Тихонова акад. И. А. Орбели от 27.09.1948 г. Л. 9.

²⁹ПФА РАН ф.314, оп.2, д.1 – Научно-технический бюллетень ЛКРД 1941 №16(49). Изучение материалов древней азиатской бумаги. Л. 323 – 325.

академического центра изучения *исторической технологии документа* и *историко-документной экспертизы*. Окончательному становлению и развитию этого центра помешала начавшаяся война, в результате которой Лаборатория была фактически полностью уничтожена.

Одним из важнейших методологических итогов довоенной деятельности ИАТ – ИИТ – ЛКРД стало включение исследования памятников «с материально-технической стороны» в систему «вспомогательных исторических дисциплин». Так, в редакционном предисловии к первому сборнику статей «Вспомогательные исторические дисциплины» 1937 г. этот вид исследований был однозначно отнесен к области таких «малых» наук, как «палеография, дипломатика, сфрагистика, нумизматика и т. д.», в арсенал которых входят и «особые технические методы» изучения «первоисточника»³⁰.

Говоря о личном вкладе Тихонова в развитие *фотоанализа* рукописно-книжных памятников, необходимо признать, что именно он ввел *фотоаналитические* исследования в отечественную практику «текущей» работы с рукописями и архивными материалами. В результате его деятельности *фотоанализ* стал реальным инструментом исследования при решении исторических, филологических и т. п. задач. Итогом работы Н. П. Тихонова в области изучения исторических документов явилась книга «Исторические документы. Руководство по хранению, уходу и реставрации документов», которая из-за гибели автора осталась незавершенной³¹. В 9-й главе монографии («Фотодокументация и фотоархив») есть раздел, специально посвященный *фотоанализу*, который определяется как «исследовательская фото-работа над документом»³². Неопубликованный труд Тихонова должен был стать первым отечественным пособием в архивно-библиотечной области, где специально рассматривался *фотоанализ* исторических документов как направление их исследования.

Параграф 4.4. *«На пороге создания экспертного центра: объединение «традиций» ИАТ и ГПБ»*. С 1945 г. начинается деятельность по восстановлению ЛКРД. В 1946 г. заведующим ЛКРД стал С. Г. Гасилов. Он был ближайшим сотрудником В. Н. Бенешевича в создании фотокаби-

³⁰[Орлов А. С.] От редакции // Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей. М.:Л., 1937. С. III.

³¹НИОР БАН Собрание авторских материалов №13₃, – Тихонов Н. П. Исторические документы. Руководство по хранению, уходу и реставрации документов Ленинград 1939 г. 427 л.

³²Там же. Л. 189 – 199.

нета Публичной Библиотеки. Теоретически, в одном учреждении (ЛКРД) могли объединиться две традиции – *историко-технологическая* традиция ИАТ ГАИМК (ИИТ, ЛКРД) и «палеографическая» традиция фотокабинета ГПБ. Однако, как руководитель ЛКРД, Гасилов вызвал серьезное сопротивление у «наследников» тихоновской Лаборатории и ушел с занимаемой должности. В 1957 г. место директора Лаборатории опять занял специалист из «среды» ГПБ – В. С. Люблинский – ученый-гуманитарий: книговед, палеограф, историк культуры. В ГПБ он, кроме работы в Отделе инкунабулов и эльзевиров, позже превратившимся в Отдел редкой книги, в разные годы возглавлял Бюро обслуживания (куда вошел фотокабинет) и Отдел консервации и реставрации. С приходом Люблинского в ЛКРД можно уже с полным правом говорить о реальном слиянии в Лаборатории научных традиций ИАТ и ГПБ. В результате возникает возможность для формирования специфического *экспертно-технологического* подхода к изучению рукописей. Подхода историко-гуманитарного по своим принципам, задачам, и внутренней логике, но реализуемого, прежде всего, естественнонаучными и техническими средствами и методами.

При Люблинском в ЛКРД были проведены все основные работы по созданию ряда важнейших отечественных методик *фотоанализа* рукописно-книжных памятников. В. С. Люблинский совместно с В. С. Гольшенко и Д. П. Эрастовым публикует краткий очерк истории *фотоанализа* исторических документов, который, по сути, стал важнейшим шагом в направлении формирования методологии будущей *историко-документной экспертизы* – началом формирования её историографии³³. Наконец, в 1958 г. в ЛКРД издается первое и до сих пор единственное опубликованное монографическое пособие по *фотоанализу* рукописно-книжных памятников и исторических документов – работа Д. П. Эрастова «Основные методы фотоаналитического выявления угасших текстов»³⁴. Эта работа имела и ярко выраженный *экспертный* характер (так в ней представлен раздел о принципах и технике осмотра документа³⁵).

В связи с развитием и использованием *фотоаналитических* методов изучения рукописно-книжных памятников, В. С. Люблинский предло-

³³Гольшенко В. С., Люблинский В. С., Эрастов Д. П. Новейшие приемы ... С. 408 – 416.

³⁴Эрастов Д. П. Основные методы фотографического выявления угасших текстов. М.:Л., 1958.

³⁵Там же. С. 5 – 7.

жил своеобразную концепцию «расширения круга исторических источников» или «расширения исторических источников» как задачи *фотоанализа*³⁶. Тем самым делалась попытка определить собственную методологическую область *фотоанализа* в системе источниковедения. Однако, именно с методологической точки зрения идея «расширения источников» была проявлением непонимания Люблинским сути *фотоанализа* как формы изучения памятника в гуманитарном исследовании.

В отличие от концепции «нового зрения» Буринского и его последователей, в рамках которой речь шла о «расширении» у самого исследователя памятника «способности видеть», Люблинский отделял *фотоанализ* от гуманитарного исследования, фактически приписывая ему возможность самостоятельного «создания» каких-то источников («расширение круга источников»). В первом случае предполагалось, что исторический источник обладает как явной, так и «скрытой» (латентной) информацией, которая открывается по мере «расширения» способностей исследователя к её видению. Люблинский же исходил из того, что с помощью внешних средств на базе уже существующего «создается» своеобразный новый источник (чья информативность по определению исчерпывается возможностями технической системы его породившей).

Однако какой бы методологически сомнительной не была концепция «расширения круга исторических источников», она дала свои положительные практические результаты. Было создано целое небольшое направление в отечественной научной литературе о рукописях, которое можно определить как «технологическое-источниковедческое» издание «неизвестного» памятника (частично или полностью выявленного в результате *фотоаналитических* и реставрационных работ).

В 1963/64 гг. в деятельности ЛКРД наступил период, который сам В. С. Люблинский определил как «перелом»³⁷. Под воздействием внешних факторов (тенденций в политике в области организации науки в СССР) и внутренних научно-организационных ориентиров ЛКРД пошла по пути сосредоточения на основном направлении научных поисков. Такой ведущей темой для Лаборатории стала «проблема старения бумажного докумен-

³⁶Гольшенко В. С., Люблинский В. С., Эрастов Д. П. Новейшие приемы ... С. 414. Эрастов Д. П. В. С. Люблинский во главе Лаборатории консервации и реставрации документов Академии наук СССР // Западноевропейская культура в рукописях и книгах Российской национальной библиотеки. СПб., 2001. С. 91.

³⁷Люблинский В. С. О нашей общей задаче. // Старение бумаги. М.:Л., 1965. С. 9.

та»³⁸. Вряд ли стоит спорить с осмысленностью (с точки зрения научной консервации и реставрации) сосредоточения основных сил Лаборатории на тематике старения бумажного документа, однако для формирования *технико-технологического* направления в изучении рукописно-книжных памятников и для развития *экспертных* исследований исторических документов это имело серьезные негативные последствия. В последующие годы методика *фотоанализа* рукописей продолжает развиваться, и не только в ЛКРД, но и в других отечественных учреждениях, однако методологическое формирование *экспертного направления* исследования рукописно-книжных памятников оказалось заторможенным на несколько десятилетий. Только в 1995 г. в Публичной Библиотеке (РНБ) начнет создаваться первое отечественное специализированное подразделение *экспертизы* рукописно-книжных памятников – Лаборатория Кодикологических Исследований и Научно-Технической Экспертизы Документа (ЛКИиН-ТЭД).

Говоря о тридцатилетнем перерыве в формировании отечественной методологии *историко-технологического исследования* рукописно-книжных памятников и в становлении *экспертного направления* в их изучении, необходимо учитывать, что в этот период в российскую науку о рукописях из западноевропейской науки приходит такая дисциплина как *кодикология*. Ярким примером успешного укоренения кодикологии на российской почве стала обзорная статья И. Н. Лебедевой «Кодикология – наука о рукописных книгах», опубликованная в 1972 г.³⁹. Освоение отечественной наукой «западноевропейской» кодикологии, без сомнения, было позитивным явлением, обогатившим специальные исторические дисциплины. Однако своеобразное «увлечение» этой новой дисциплиной в 1970-х – нач. 1990-х привело к тому, что длительное время складывавшееся на национальной почве *историко-технологическое направление* изучения рукописной книги, как и тесно связанное с ним *экспертное направление*, надолго стали восприниматься частично как область кодикологии, частично как сфера реставрационно-консервационных исследований документов (куда «отошли» все «технические» методы, включая *фотоанализ*). Такой подход не имел под собой достаточных оснований, прежде всего, в методологической системе самой кодикологии. Именно поэтому с конца 1990-

³⁸Там же. С. 10 – 11.

³⁹Лебедева И. Н. Кодикология – наука о рукописных книгах // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. IV. Л., 1972. С. 66 – 77.

х гг. встал вопрос о выделении *историко-документной экспертизы* как самостоятельной области изучения рукописно-книжных памятников.

Параграф 4.5. «Методологическое значение опыта фотоаналитического и историко-технологического изучения памятников в становлении современной историко-документной экспертизы». В разработке методологических основ *экспертного исследования* рукописно-книжных памятников использование опыта развития *фотоанализа* «эпохи Буринского» – Института Археологической Технологии ГАИМК – ЛКРД (периода до 1963/64 гг.) играет одну из ключевых ролей. Анализ национальной традиции изучения документов позволяет говорить о возможности и необходимости формирования *экспертно-технологического метода* исследования рукописно-книжных памятников, который является дальнейшей разработкой отечественного направления развития *фотоаналитического* и *историко-технологического* изучения исторических документов.

Технологическая (*историко-технологическая*) «составляющая» этого метода базируется на том, что рукописная книга рассматривается как феномен сочетания технологий, которые являются объектом исследования. Памятник понимается как точка пересечения различных технологических традиций, выраженных в технологических элементах рукописи (в материальном носителе текста, в красителях и т. д. и т. п.). Рассмотренные комплексно в рамках материала конкретной книги эти технологические традиции анализируются как источник, отображающий общество, в условиях которого была создана рукопись. Хотя объектом исследования являются самостоятельные технологические традиции, они рассматриваются через «выражение» в рукописной книге (устанавливаются корреляция технологических данных с типом книги, характером текста, местом производства рукописи, заказчиком и т. п.). В плане прикладного применения результатов исследования *историко-технологический* подход нацелен на обеспечение повышения точности локализации, датировки и атрибуции рукописно-книжных памятников.

Экспертная «составляющая» метода базируется на рассмотрении памятника (исторического документа) как системы *следов* (следов производителей документа и его технологических элементов, следов орудий их производства, следов бытования рукописи и т. д.). Именно *след* в данном случае является объектом исследования и, соответственно, вопросы изучения механизмов слеодообразования, классификации следов, классификации информации, содержащейся в следе, разработка методов её извлечения и т. п. становятся базовыми методологическими проблемами. При этом *след* (след материально выраженный) рассматривается, прежде всего,

как отображение системы признаков, оставившего его объекта, а сами признаки – как выражения свойств объекта и, соответственно, как источник для реконструкции и моделирования этих свойств с последующим их анализом. В свою очередь, это также ведет к повышению точности исследований документа «вспомогательного» характера (установления места и времени производства, подлинности и аутентичности документа и т. п.), поскольку в рамках *экспертно-технологического метода* они перестают быть «вспомогательными», а, наоборот, относятся к основным методологическим задачам (например, разработка методов и методик отождествления пишущего по его свойствам, отображенным в следах – в письме).

С точки зрения соотношения *экспертно-технологического метода* изучения рукописно-книжных памятников и *кодикологии* можно сказать, что *экспертная* «составляющая» этого метода должна быть доказательной базой для кодикологического исследования. В этом случае кодикологический подход становится принципом интерпретации *экспертных* данных. Методология *экспертной* «составляющей» строится на понимании генетического единства криминалистической экспертизы документов и *историко-документной экспертизы*, единства самого их предмета (документа). Речь идет, по сути, о единой «общеекспертной» методологии (используя в расширенной трактовке термин Е. Р. Россинской⁴⁰). Система этой методологии – теория идентификации, теория диагностики (к которой должен быть отнесен и *фотоанализ*), учения о следах и навыках – последние восемьдесят лет развивалась в отечественной науке фактически только в рамках криминалистики, однако она полностью применима (адаптируема) к *экспертному исследованию* исторических документов.

В рамках *экспертно-технологического метода* *экспертная* «составляющая» относится к «технике» обнаружения, сбора, классификации систематизации и оценки информации, а *технологическая* – к интерпретации полученной информации. Формирующийся сегодня *экспертно-технологический метод* изучения рукописно-книжных памятников является осознанным объединением двух традиций (*экспертной*, – восходящей к «эпохе Буринского» и *технологической*, – истоком которой был ИАТ ГА-ИМК) и, одновременно, завершением интеграции их в историческое изучение документов.

⁴⁰Россинская Е. Р. Общеэкспертные методы исследования вещественных доказательств и проблемы их систематизации // 50 лет НИИ криминалистики. Сборник научных трудов. М., 1995. С. 46 – 52.

В **Заключении** суммируются итоги исследования и делаются общие выводы.

В работе рассмотрено то, как с кон. XIX в. в отечественной науке о памятниках начинает развиваться направление изучения рукописно-книжного наследия, которое точнее всего можно определить как *историко-документную экспертизу*. Задачей исследования было проследить основные этапы формирования «магистральной линии» организационно-методологического развития этого направления на материале истории *фотоанализа* рукописей. Нами выделено три таких основных этапа предыстории *историко-документной экспертизы*: 1898 – 1918 гг. – рождение *фотоанализа* и отечественной *экспертизы документов*; 1919 – 1934 гг. – сложение и организационное оформление самостоятельного *историко-технологического* направления изучения памятников (включавшего и их *фотоанализ*); 1934 – 1963 гг. – опыт формирования первого отечественного специализированного центра *историко-технологического* изучения рукописно-книжных памятников (с элементами *экспертных исследований*).

Подводя итог рассмотрения истории *фотоанализа* рукописей, нельзя не отметить, что основные его теоретические концепты, так же, как и теоретическая база *историко-технологического* изучения памятников, формируются в период с конца 1890-х гг. по конец 1920-х гг. – то есть, в период, совпадающий с *Серебряным веком* в русской культуре. Вряд ли это можно считать случайным. Речь, конечно же, не может идти о прямых параллелях между научными исследованиями и художественным творчеством, но об определенном единстве интеллектуального дискурса эпохи говорить возможно. Так, в идее «исторической технологии», как самостоятельной области исследования, предполагающей практическое применение опыта прошлого, нельзя не уловить своеобразного сходства с происходящими в это же время в русском искусстве поисками в области освоения и изучения «исторических технологий» художественного наследия («Мир искусства», А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, К. С. Петров-Водкин и др.). Нацеленность *историко-технологического* исследования на изучение отношения «материал – технология», реализованного в конкретных вещевых памятниках, напоминает искания представителей «формального метода» в литературоведении (Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский). Методологический синкретизм, характерный для научного творчества ИАТ перекликается с «методологическим» синкретизмом художественного творчества эпохи Серебряного века (например, «слухозрительная полифония» А. Н. Скрябина). Наконец, идея непосредственного «видения» прошлого «сквозь время» («преодоления» времени), связанная с «исследующей фотографией» па-

мятников находит свои параллели в стремлении к чувственному соприкосновению с прошлым, ярко проявившемся в русской культуре этого периода (А. М. Ремизов, А. П. Иванов в литературе, К. А. Сомов и Е. Е. Лансере в живописи и др.).

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ

- 1) Цыпкин Д. О. История экспертного исследования рукописно-книжных памятников в России – рождение фотометодов // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Сер. 2 История. Вып. 1 март 2008. – СПб: СПбГУ, 2008. – С. 182 – 192. (0,95 п. л.)

Другие публикации

- 2) Tsyppkin D. O., Vasiliyeva O. V. Codicological analysis of manuscripts by means of modern optico-electronic methods and some issues of restoration // Care and conservation of manuscripts. 2: Proceedings of the second international seminar on the care and conservation of manuscripts held at the University of Copenhagen 16th-17th October 1995. – Copenhagen: The Royal Library, 1996. – P. 72 – 84. (0,6 п. л.)
- 3) Tsyppkin D. O. Optico-Electronic Methods in the Study of Mediaeval Paper in the Manuscript Division of the National Library of Russia // BIBLIOLOGIA: Elementa ad librorum studia pertinentia. V. 19. Le papier au Moyen Age: histoire et techniques. – Turnhout: Brepols, 1999. – P. 243 – 253. (0,5 п. л.)
- 4) Цыпкин Д. О. Экспертное исследование бумаги ручного производства (расширенные тезисы) // Актуальные вопросы истории бумаги и бумажного производства. К 40-летию со дня выхода в свет книги З. В. Участкиной «Из истории российских бумажных мануфактур и их водяных знаков»: Материалы и сообщения первых научных чтений. – СПб: Историческая иллюстрация, 2003. – С. 74 – 88. (0,7 п. л.)
- 5) Цыпкин Д. О. Общие принципы создания цифровых моделей рукописно-книжных памятников // История и культура: Актуальные проблемы. Сборник статей в честь 70-летия профессора Юрия Константиновича Руденко. – СПб: Наука, 2005. С. 317 – 330. (0,9 п. л.)

- 6) Цыпкин Д. О. Фотографическое исследование рукописно-книжных памятников в России. Начало: 1898 – 1919 гг. // Русская история и культура: Статьи. Воспоминания. Эссе. – СПб: Наука, 2007. – С. 208 – 230. (1,4 п. л.).

Подписано к печати 06.04.09.
Формат 60×84/16. Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,1.
Уч. изд. л. 2,0. Тираж 100 экз. Заказ № 21

Издательство «Российская национальная библиотека», ОП.
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.